

© 2009 г. Н.Л. Ковалева

**КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ
РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНО-ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ
НА РУБЕЖЕ XVII-XVIII ВВ.**

Проводится культурфилософский анализ развития русской религиозно-духовной культуры на рубеже XVII-XVIII вв. Рассматривая религиозно-духовные основания развития русской культуры на рубеже XVII-XVIII вв., отмечается, что в это время начался новый период, характеризующийся осознанием общества и отдельной личности своей важной роли в судьбах страны. Развитие и совершенствование не только отдельного человека, но и всего общества в целом невозможно без изучения культурного наследия, исследования и анализа социокультурных процессов, рассмотрения культуры как развивающегося, противоречивого, многостороннего явления.

Ключевые слова: церковь, культура, вера, сознание, верующий.

Культурно-исторические процессы на рубеже XVII – XVIII вв. протекали в определенном контексте и во многом определялись социокультурной и религиозной ситуацией предшествовавшего периода. Характерно, что в это время значительно ослабли эсхатологические ожидания, сама Русская церковь стала официально утверждать, что никакого Второго Пришествия в ближайшее время не произойдет. Категории «правды» и «веры» изменились в своем базовом значении, так как ими стало обозначаться субъективное переживание личности. Соответственно появляются новые словосочетания – «человеческая правда», «сердечная вера» и др. Также в сознании людей появляется понимание суеверия, которому противостоит христианская душа: «Наша... Христиане! духовная нужда... требует веры, не суеверного благочестия...» [1, с. 34-36]. Однако середина XVII в. была другой. Автор известного произведения «Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович» Н.Ф. Каптерев писал: «Русь признавалась единственною хранительницею и опорюю чистого, ни в чем не поврежденного православия, уже несколько замутившегося у самих греков. Москва – это Третий Рим, заступивший место нового Рима – Константинополя; в деле православия русские заняли место прежних греков,

так как только у одних русских сохранилась теперь правая, ни в чем неизменная вера; только на одной Руси, сравнительно с другими странами, «большее есть православие и высшее христианство», только одна русская держава цветет теперь «совершенным благочестием, как свет солнечный»; тогда как у самих греков «вера православная испроказия Махметовою прелестью от безбожных турок», вследствие чего она стала и у них ниже и несовершеннее во всем совершенной веры русской» [2, с. 27].

Малейшее изменение в священной одежде включалось в область этой «совершенной веры». Даже пояс в средневековье имел глубокий символический смысл, означая силу, крепость, власть или готовность к служению. Божественная сила в Священном Писании символически обозначалась поясом, символизируя знак духовной силы, готовности служить людям. Патриарх Никон сделал нововведение, согласно которому монахам полагалось носить пояса чуть выше обычного. Деталь как будто не очень важная, но в эсхатологии поднятие пояса символизировало святость. Андрей Кесарийский, весьма популярный на Руси, в своих комментариях к тексту «Откровения» Иоанна Богослова специально отмечал, что Христос не случайно явится миру во Втором пришествии препоясанный «при сосцу поясом златым». Он будет препоясан не по бедру, как «делают люди для укрощения похотей (им непричастна Божественная плоть), но по груди» [3, с. 13]. Следовательно, высшее превосходство, чистота символически обозначаются так называемым золотым поясом. Аввакум на нововведения Никона отвечал едко, низводя высокое до смешного: «Иван Предтеча подпоясывался по чреслам, а не по титькам, поясом усменным, сиречь кожаным: чресла глаголются под пупом опоясатися крепко, даже брюхо-то не толстеет. А ты что чреватая женка, не извредить бы в брюхе робенка, подпоясываеся по титькам! Чему быть! И в своем брюхе том не меньше робенка бабья накладено беды тоя, – ягод миндальных, и ренсково, и романей, и водок различных с вином процеженных налил: как и подпоясать. Невозможное дело, ядомое извредить в нем. А сей ремень на тебе долог! Бедные, бедные! Так-то Христос приказал жить и святии научиша!» [4, с.252]. Он был не одинок в этом протесте против нововведений в церковной одежде.

Еще один ревнитель древнего благочестия поп Никита Пустосвят писал: «О, великий государь, како бысть тако, что под единою твоею высокою дес-

ницею и от твоего милосердного жалованья питаются, а одеянием разделились?» [5, с.146]. По мнению Никиты Пустосвята, изменение одежды наносит прямой ущерб «вере», вредит православию. Любой сакральный знак (буква, жест, изменения в одежде служителей церкви и т.д.) в русской средневековой культуре принимался, безусловно, ибо область сакрального знания проникнута Духом Божиим через освященных от Бога людей, называемых пророками и апостолами. Следовательно, идея, мотив срастаются «с выражающим их текстом, обрядом, образом, ритмом, звуком» [6, с.271].

Само движение правой руки при крестном знамении – это тоже текст, олицетворяющий собой христианскую истину. Прикосновение перстов ко лбу означает пророческую мысль о рождении Иисуса Христа; к животу – напоминает верующему о непорочном зачатии Девы Марии, к правому плечу – о вознесении Христа (правая сторона – праведная), к левому плечу – символизирует осуждение грешников и их вечные мучения; поклон означает падение Адама, вкусившего запретный плод райского сада; выпрямление тела – Воскресение Христа и преобразование души каждого христианина верой в него. Современному человеку трудно понять, как в сложении перстов при крестном знамении проявляется сама истина, имеющая свое текстуальное выражение. Таким образом, знамение не есть пустое движение рукой, так как оно наполнено сакральным смыслом. «А в древнем, государь, Божественном Писании, – писал царю Алексею Михайловичу в своей Челобитной ... суздальский поп Никита Пустосвят, – повелевает христианом двема персты знаменоватися, а три перста доле равно имети, и о тех перстах учит все доброе веры таинство познавати: еже три перста сложити в место, великий и малый, и третий, что подле малого, исповедуется тайна Божественных трех ипостасей Отца и Сына и Святыго Духа, единого Бога в трех лицах: два же перста вышний и средний, в место сложити и протянути, исповедается тайна самого Господа нашего Иисуса Христа, иже есть совершен Бог и совершен человек; то же средний великий перст мало преклонити, исповедуется тайна, еже есть Сын Божий преклон небеса и сниде на землю, и бысть человек нашего ради спасения...» [5, с.71-73].

Однако на рубеже XVII – XVIII вв. культурно-исторические процессы протекали в определенном контексте и определялись различными факторами. Характерно, что в этот период расширился круг чтения церковных и светских

книг, среди которых были особо популярны летописи и хронографы, повести и сказания, сборники литургического, исторического, литературного и иного содержания. Например, большой известностью пользовались произведения митрополита Ростовского и Ярославского Дмитрия, русского церковного деятеля, писателя, проповедника, историка, драматурга и педагога. По мнению академика Д.С.Лихачева, Дмитрий Ростовский был «последним писателем, который имел огромное значение для всей православной Восточной и Южной Европы» [8, с.266]. Составленные Дмитрием с 1684 по 1705 гг. «Четьи-Минеи» (минья – месяц по-гречески) многотомный свод житий святых, где были использованы русские, греческие и латинские материалы, стали настольными книгами многих читателей. Дмитрий Ростовский в 1702 г. основал в Ростове школу, где училось около 200 человек и изучались русский, греческий, латинский языки, география, был устроен театр, в котором исполнялись пьесы духовного содержания. В 1709 г. Дмитрий закончил полемический труд: «Розыск о раскольнической брынской вере...», где, определив, что такое «вера», построил на этом всю свою аргументацию против раскольников, которые, по его мнению, перестают быть членами церкви, а церковь всегда остается единой: «Церковь Христова есть едина, потому что она есть одно духовное тело, имеет одну главу, Христа, и одушевляется одним Духом Божиим. Она имеет и одну цель – освящать людей; одно и то же Божественное учение, одни и те же таинства. Потому Церковь распадаться или разъединяться на части не может. От нее могут отпадать или отделяться еретики или раскольники, но они перестают быть членами Церкви, а Церковь от этого не перестает быть единой. Господь дал власть царям над народами, но над совестью людей они не властны, властен один Христос» [9, с.166].

Главное противоречие с раскольниками заключалось в том, что их вера в вещах «зримых и осязаемых». Дмитрий Ростовский утверждал, что не дано человеку увидеть Бога в Троице, но веруем, что это так. Раскольники, по мнению митрополита, ищут Бога в вещах зримых и осязаемых: старых иконах, книгах, в сложении перстов, по их нраву и т.д. Рассматриваемый вопрос о «правости» веры Дмитрий Ростовский решал с позиции определения веры, как уверенности в вещах невидимых. Это понимание «веры» пронизывало сочинения ростовского митрополита и создавало новое мироощущение: поклоняясь иконе святой, кланяемся не доске, ни краскам, ни веществу, но

«на святыню взираем, святыню почитаем, и изображению начертанного покланяемся...». Почитаем крест не ради количества концов его, а ради воспоминания страдания Господня, утверждал Дмитрий Ростовский. Наблюдая и поддерживая реформы Петра I, Дмитрий сопротивлялся вмешательству государства в дела церкви. Он одним из первых осмелился «сказать, что, начиная с Петра, прежней России уже не существует. Она примеряет на себя новые одежды, строит для себя новый европейский дом. А Петр ломал, крушил, расчищал вековые завалы под это новое строительство...И здесь первым его помощником должно быть терпение. Терпение дает умение. Час терпеть, год мед пить» [9, с. 168-169].

Петр активно проводил свои реформы в области русского просвещения, например, устроив в Москве на Покровке немецкую гимназию протестантского пастора Глюка. Довольно решительно Петр проводил нововведения, касающиеся церковной школы, молодой Московской Академии, где в конце XVII в. по настоянию патриарха Адриана, утвердилось греческое направление. Реформы Петра, касающиеся выбора направлений развития церковной школы при полном господстве малороссов в Академии в XVIII в., утвердили западное схоластическое богословие. В результате схоластическое богословие утвердилось во всех духовных школах, которые открывались в XVIII в. Развитию религиозно-духовных оснований русской культуры на рубеже XVII-XVIII вв. способствовало издание разнообразных церковных и светских книг (летописей и хронографов, повестей и сказаний, сборников литургического, исторического, литературного содержания и т.п.). Таким образом, на рубеже XVII-XVIII вв. изменилось само сознание людей, образ жизни, отношение к окружающей действительности.

Литература

1. Словарь русского языка XVIII века. Вып.3. Л., 1987.
2. *Каптерев Н. Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. М., 1996. Т.1.
3. Толкование на Апокалипсис / Св. Андрей, архиеп. Кесарийский. М., 1992.
4. Житие Аввакума и другие его сочинения. М., 1991.

5. Материалы для истории раскола за первое время его существования М., 1878. Т.4.
6. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. М., 1988.
7. Русские святые / Жития собрала монахиня Таисия (Татиана Георгиевна Карцева). СПб., 2004.
8. *Лихачев Д. С.* Избранные работы. Т.1. Л., 1987.
9. *Украинцев Б.В.* Что есть имя твое, Ростов? Историческая хроника. Ростов-н/Д, 1998.

***Северо-Кавказский
научный центр Высшей школы ЮФУ***

6 июня 2009 г.
